

ИСТОРИЯ,
КОТОРУЮ
ЗАБЫЛИ
ПОДПИСАТЬ

ЛИКА ЧЕБУРАШКИНА

Ли́ка Чебурашки́на

**ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ
ЗАБЫЛИ ПОДПИСАТЬ**

«Автор»

2026

Чебурашкина Л.

ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ ЗАБЫЛИ ПОДПИСАТЬ /

Л. Чебурашкина — «Автор», 2026

История состоит не только из великих битв, громких деклараций и бронзовых памятников. Она прячется в тюремном матрасе, придворной карете, забытой шляпке, семейной крипте, любовном письме или музейной табличке, возле которой все почему-то проходят слишком быстро. Лика Чебурашкина собирает такие детали и превращает их в живые исторические расследования. Кто были семь узников Бастилии? Почему французский король выбрал дикобраза своим символом? Как распространялись фейковые новости в 1840 году? Что связывает затонувшие подлодки, освобождённых рабов, Бальзака, Байрона и юного узника Консьержери? Увлекательная популярная история для тех, кто любит прошлое не за даты, а за людей, тайны, парадоксы и подробности, которые меняют всю картину.

© Чебурашкина Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	6
Введение	7
Революция получает лица	8
Семь узников Бастилии	9
Бастилия на продажу	10
Король, который не умел быть незаметным	11
Она уже спаслась	13
Камиль, Люсиль и язык, который вернулся	15
Матрас по-прежнему стоил денег	17
Семнадцать с половиной	18
Смерть как рабочий процесс	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ли́ка Чебурашкина ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ ЗАБЫЛИ ПОДПИСАТЬ

**ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ
ИСТОРИЯ,**

КОТОРУЮ ЗАБЫЛИ

ПОДПИСАТЬ

Люди, вещи и места, через которые прошлое

продолжает с нами разговаривать

ЛИКА ЧЕБУРАШКИНА

Оглавление

Введение

Революция получает лица

1. Семь узников Бастилии
2. Бастилия на продажу
3. Король, который не умел быть незаметным
4. Она уже спаслась
5. Камиль, Люсиль и язык, который вернулся
6. Матрас по-прежнему стоил денег
7. Семнадцать с половиной
8. Смерть как рабочий процесс
9. Месяц жары
10. Республика или смерть

Власть, построенная из камня

11. Королевский дикобраз
12. Замок, который достраивала история
13. Замок финансового чиновника
14. Шенонсо: любовь становится недвижимостью
15. Социальная сеть на четырёх колёсах
16. Любовь, высаженная в грунт
17. Империя в семейной крипте
18. Человек, которому отказал король
19. Мечеть, похожая на китайский храм

Война, техника и ошибка системы

20. Бетон, переживший город
21. Жизнь внутри механизма
22. Лодка, которой не должно было быть
23. Люди внутри операции
24. Кому досталась шлюпка

Империя, слух и свобода

25. Город, разбогатевший на Атлантике
26. Освобождённые — но не свободные
27. Фейковые новости 1840 года
28. Свобода с лицом женщины
29. Афины: город из нескольких времён

Писатели и посмертная жизнь

30. Бальзак и экономика дедлайна
31. Хемингуэй: миф о человеке, который сделал себя сам
32. Байрон: грамматика, чудовища и свобода
33. Колибри с серьёзными намерениями
34. Музыка о любви и человек рядом
35. Город вместо утраченного дома
36. Абеляр и Элоиза: любовь после катастрофы
37. Где люди лежат, а истории стоят

Эпилог. Подпись под историей

Источники и примечания

Введение

Эта книга выросла не из желания написать ещё один учебник истории. Она выросла из любопытства — привычки останавливаться возле памятника и спрашивать, кого здесь решили увековечить, а кого предпочли не упоминать. Из желания узнать, кто жил в красивом доме до того, как он превратился в музей. Из подозрения, что за торжественной государственной церемонией почти всегда скрывается человеческая слабость, семейная ссора или очень удачно переписанный протокол.

В течение многих лет я собирала такие истории и рассказывала их в Facebook и LiveJournal. Одни появились совсем недавно, другие долго лежали в глубинах интернета — рядом с забытыми паролями, исчезнувшими фотографиями и политическими спорами, участники которых сегодня уже не помнят, из-за чего собирались убить друг друга. Теперь эти тексты встретились в одной книге.

Здесь нет строгой хронологии. История вообще редко движется по прямой: она петляет, возвращается, меняет названия улиц, сносит памятники и устанавливает новые — иногда тем же людям, иногда их противникам. Поэтому рядом здесь оказываются король, беженка, солдат, писатель, случайный попутчик, государственный обвинитель и человек, который просто очутился не в том месте в тот самый исторический момент.

Это книга о большой истории, увиденной через маленькие обстоятельства. О том, как политические решения входят в обычную квартиру и садятся за семейный стол. Как войны остаются в лесах, зданиях, фамилиях и чужих воспоминаниях. Как государство создаёт официальную версию прошлого, а частная жизнь упрямо хранит неофициальную.

Меня всегда интересовал не только вопрос «что произошло?», но и вопросы, которые задают реже: почему люди в это поверили? Что они чувствовали? Какие решения казались им разумными именно тогда? Что рассказывали детям — и о чём предпочитали молчать? Мы любим думать, что прошлое завершено и надёжно отделено от нас датами. Но оно продолжает жить в наших страхах, семейных легендах, политических пристрастиях и даже в словах, происхождения которых мы уже не замечаем.

Я не претендую на роль беспристрастного летописца. Абсолютно беспристрастные летописцы, вероятно, существуют там же, где совершенно объективные семейные воспоминания. Я выбирала истории, которые удивили, рассмешили, возмутили или заставили меня изменить прежнее мнение. Но там, где речь идёт о фактах, старалась отделять документированное от легенды, а уверенность — от красивой догадки.

Эту книгу можно читать подряд, а можно открывать с любой страницы. Каждая глава — самостоятельная история, но вместе они складываются в разговор о власти, памяти, выборе и человеческой природе. Возможно, после этой книги вы станете чуть медленнее проходить мимо старых домов, внимательнее читать надписи на памятниках и осторожнее относиться к словам «всё было именно так».

Потому что история, которую нам предъявляют как окончательную, часто оказывается всего лишь версией, под которой кто-то вовремя поставил свою подпись. А эта книга — об историях, которые подписать забыли.

ЧАСТЬ I

Революция получает лица

Авторская иллюстрация к части «Революция получает лица»

Революция начинается с больших слов, а работает через маленькие решения.

Французская революция особенно удобна для мифа: крепость, толпа, королева, гильотина. Но вблизи она оказывается системой с логистикой, рекламой, календарём, семейными связями и чиновниками, которые вовремя заполняют бумаги.

ГЛАВА 1

Семь узников Бастилии

Как символ оказался важнее содержимого крепости

Мы сейчас в Париже, поэтому я решила написать несколько исторических баек по следам того, что нам здесь рассказывали на экскурсии. Начну, конечно, с Бастилии. Потому что про Бастилию все вроде бы всё знают: мрачная тюрьма, несчастные политические заключённые, народ, который 14 июля 1789 года приходит их освобождать, и начинается Французская революция. Вот несколько поправок. Когда толпа ворвалась в Бастилию, освобождать там было почти некого. В огромной крепости находилось всего семь заключённых: четыре фальшивомонетчика, двое людей с тяжёлыми психическими расстройствами и один аристократ граф де Солаж, которого посадили туда по просьбе его собственной семьи.

Бастилия была не только местом, куда король отправлял опасных политических противников. При Старом порядке существовали *lettres de cachet* — королевские распоряжения, позволявшие заключить человека без обычного суда. Семья могла пожаловаться, что взрослый сын проматывает деньги, позорит фамилию, связался не с теми людьми, ведёт себя неприлично или просто не слушает родителей. После чего государство приходило семье на помощь: молодого человека отправляли ненадолго посидеть в крепости, подумать о своём поведении и перестать транжирить родительское состояние.

Современные родители, измученные взрослым ребёнком, который третий раз вложил семейные деньги в криптовалюту, могут только завидовать размаху государственной поддержки. Вторая история связана с губернатором Бастилии Бернаром-Рене де Лоне. Несколько часов гарнизон оборонял крепость. У нападавших были большие потери, но они не расходились. В конце концов де Лоне предложил капитуляцию при условии, что ему и его людям сохранят жизнь. Заодно он угрожал взорвать запасы пороха вместе с крепостью и окружающим кварталом, если условия не примут. Им обещали сохранить жизнь, де Лоне опустил мост и прекратил сопротивление. Обещание не сдержали.

Почти сразу после капитуляции толпа растерзала де Лоне; затем ему отрезали голову и понесли её по Парижу на пике. Из его гарнизона многих убили на месте, но большая часть гарнизона выжила. Эта сцена важна не как мораль о том, с кем следует или не следует договариваться. Толпа не была единым переговорщиком: одни участники обещали безопасность, другие не признавали их права обещать, третьи пришли именно за расправой. Договор работает только там, где существует сила, способная отвечать за слова. В тот день у Бастилии такой силы уже не было.

ГЛАВА 2

Бастилия на продажу

Первый революционный мерч и предприниматель Паллуа

Бывают крепости, от которых остаются величественные руины. Бывают старые тюрьмы, превращённые в музеи: можно войти в камеру, потрогать орудия пыток, посмотреть в окно, через которое когда-то смотрел заключённый. А от Бастилии не осталось почти ничего. Только линия на мостовой показывает, где когда-то проходили стены крепости. Примерно как линия Берлинской стены в современном Берлине. Но Берлинскую стену разбирали люди, уносившие её кусочки на память. С Бастилией произошло нечто ещё более организованное. Её практически сразу превратили в сувенирный магазин. Этим человеком был строительный предприниматель Пьер-Франсуа Паллуа, который практически сразу после взятия Бастилии начал её разбирать.

Рабочие Паллуа появились у крепости уже вечером 14 июля 1789 года. Он просто увидел огромное здание, которое новая эпоха больше не желала терпеть, и понял, что действовать надо быстро. В последующие месяцы на работах были заняты сотни рабочих. Из металла, цепей и камней Бастилии делали медали, пуговицы, таблички, карточные и даже доминошные наборы. Из камня крепости вырезали миниатюрные Бастилии, а когда ручная работа оказалась слишком медленной, начали отливать модели из смеси каменной пыли и раствора. Паллуа разослал такие модели в столицы всех 83 новых департаментов Франции. К ним прилагались письма, церемонии и патриотические речи.

Он создал целую сеть так называемых «апостолов свободы», которые доставляли реликвии, устраивали их торжественную передачу и одновременно продвигали самого Паллуа. Революция выступала против старой религиозной и монархической сакральности. Она уничтожала символы прежнего порядка, высмеивала реликвии и пыталась заменить христианский календарь новым, но людям всё равно нужны были священные предметы. Просто теперь вместо фрагмента мощей святого они получали кусок темницы. Сегодня мы называем это мерчем, личным брендом, коммуникационной стратегией и монетизацией внимания. Паллуа же называл себя просто Паллуа-Патриот.

Бастилия едва успела перестать быть государственной тюрьмой, а уже была распродана на сувениры по всему миру. Паллуа пережил не только революцию, но ещё Империю и значительную часть Реставрации. Он умер в 1835 году, почти восьмидесятилетним.

ГЛАВА 3

Король, который не умел быть незаметным

Варенн как катастрофа логистики и роли

Летом 1791 года Людовик XVI и Мария-Антуанетта жили в Тюильри фактически под надзором. Формально король ещё оставался главой государства и участвовал в создании конституционной монархии. Но после того как толпа не позволила семье выехать на Пасху в Сен-Клу, стало окончательно ясно: король свободен лишь настолько, насколько ему позволяют революционные власти. План состоял не в том, чтобы просто сбежать за границу и вести там тихую жизнь пенсионеров. Семья хотела добраться до укрепленного Монмеди у восточной границы, где находились верные генералу Буйе войска. Оттуда король рассчитывал вести переговоры с революционной Францией уже не как пленник, а как человек, за спиной которого стоит армия.

Организацией побега занимался шведский граф Аксель фон Ферзен, близкий друг и, вероятно, возлюбленный Марии-Антуанетты. Ферзен предложил разумный вариант: разделить и ехать на двух лёгких экипажах. Король и королева отказались. Они не хотели разделять семью. Человечески это понятно. Логистически — катастрофа. В результате заказали огромную тяжёлую берлину на шестерых пассажиров, запряжённую шестью лошадьми. Внутри ехали Людовик, Мария-Антуанетта, двое детей, сестра короля Елизавета и гувернантка детей мадам де Турзель. Ферзен управлял первым экипажем только на начальном этапе, после чего должен был покинуть Францию другим путём.

Это была первая фундаментальная ошибка: для тайного бегства они выбрали транспорт, который сообщал окружающим, что в нём едут люди, совершенно не привыкшие к неудобствам. По некоторым описаниям, с собой взяли значительный багаж, серебряную посуду, дорожные принадлежности, одежду и даже новый мундир, который Людовик собирался надеть перед верными войсками. Потом писали, что это был маленький Версаль на колёсах без часовни и оркестра. Детали об объёме багажа в мемуарах и популярных пересказах расходятся, но сам тяжёлый и заметный характер экипажа сомнений не вызывает. Король, переодетый в слугу, всё равно вёл себя как король. Маскировка была довольно театральной.

Мадам де Турзель изображала русскую баронессу де Корф. Мария-Антуанетта и сестра короля изображали её служанок. Людовик — лакея. Дети считались дочерьми «баронессы», причём маленький дофин был переодет девочкой. На бумаге это выглядело неплохо, но трудно десятилетиями быть центром двора, а затем за одну ночь научиться не привлекать внимания. По дороге Людовик разговаривал с местными жителями, интересовался дорогой, выглядывал из кареты и показывал лицо. В некоторых местах путешественников приветствовали. Король был человеком крупным, узнаваемым и мало похожим на лакея, которому положено сидеть тихо и не вмешиваться в разговоры господ.

У хорошей конспирации есть простое правило: роль должна быть человеку психологически доступна. Людовик мог надеть одежду слуги. Но он не умел быть незаметным. План зависел от точного расписания. В нескольких пунктах вдоль дороги королевскую семью должны были встретить отряды кавалерии. Но экипаж запаздывал. Случались поломки упряжи, долго меняли лошадей, пассажиры задержались ещё при выходе из Тюильри. В одном месте отряд, не дождавшись короля, решил, что план отменён, и ушёл. Другие военные вызвали подозрения местных жителей и были фактически нейтрализованы. То есть побег погубила классическая организационная ошибка: каждый его элемент работал только при условии, что все предыдущие сработают вовремя.

В сложных системах редко бывает одна роковая причина. Обычно накапливаются маленькие сбои: опоздали при выезде; взяли слишком тяжёлую машину; медленно меняли лошадей; потеряли охрану; обратили на себя внимание; а потом встретили одного человека,

который сложил всё вместе. Этим человеком стал почтмейстер из Сент-Мену Жан-Батист Друэ. Он заметил пассажиров, заподозрил неладное и сопоставил лицо «слуги» с изображением короля на монете. В некоторых версиях он сначала узнал Марию-Антуанетту, которую видел во время армейской службы, а затем проверил лицо Людовика на деньгах. Точная последовательность воспоминаний расходится, но основное подтверждается: Друэ опознал королевскую семью и поскакал вперёд в Варенн.

Почему они остановились именно в Варенне? В Варенне не было обычной почтовой станции, а свежие лошади должны были ждать в другом месте. Возникла путаница: экипаж остановился, возницы не хотели ехать дальше на измученных лошадях, а королевская семья не понимала, где искать смену. Именно эта пауза дала Друэ время организовать задержание. В его собственном рассказе говорится, что кареты остановились из-за отсутствия почтовой станции и нежелания постыльонов продолжать путь на уставших лошадях. Друэ предупредил местных властей. Дорогу перекрыли. Семью отвели в дом местного бакалейщика и муниципального прокурора Жан-Батиста Соса. Сначала пассажиры продолжали отрицать, что они королевская семья.

Тогда привели человека, который раньше жил в Версале и смог уверенно узнать короля. Людовик понял, что спектакль закончен, и признался. От места задержания до цели оставалось около пятидесяти километров. Без потери времени это были последние несколько часов пути. Обратно их везли уже не тайно. По дороге собирались толпы. Королевской семье пришлось несколько дней ехать под охраной, среди людей, которые уже знали, что король пытался покинуть страну. При возвращении в Париж толпа встретила экипаж почти полной тишиной. Мужчинам было велено не снимать шляпы — демонстративный отказ от уважения к монарху. Бегство резко усилило радикалов и убеждение, что революцию окружают скрытые враги. Дальнейшие события известны.

Сам Аксель фон Ферзен сумел благополучно покинуть Францию. В отличие от королевской семьи, его никто не задержал. Он продолжал участвовать в попытках спасти Людовика XVI и особенно Марию-Антуанетту. Сохранилась их переписка, часть которой он позже сам зашифровал и частично стёр, вероятно, чтобы скрыть слишком личные места. Современные методы цифровой обработки позволили восстановить некоторые из этих фрагментов. Историки до сих пор спорят, были ли они любовниками, но большинство сходится в том, что их связь была очень глубокой эмоционально. После казни короля и королевы Ферзен долго не мог оправиться.

Он продолжал служить шведской короне, стал одним из самых влиятельных аристократов страны и занимал должность маршала королевства. В 1810 году неожиданно умер наследник шведского престола Карл Август. По стране поползли слухи, будто его отравили, а главным подозреваемым стали сторонники старой аристократии. Хотя никаких доказательств против Ферзена не существовало, толпа решила иначе. 20 июня 1810 года он ехал в роскошной карете во главе похоронной процессии наследника. Люди начали кричать, бросать камни. Солдаты почти не вмешивались. Ферзена вытащили из кареты и буквально забили до смерти на улицах Стокгольма. Ему было 54 года.

Вскрытие позже показало: наследник умер естественной смертью, вероятнее всего от инсульта. То есть человека убили из-за слухов. После смерти Марии-Антуанетты Ферзен больше так и не женился. В его дневниках есть запись после известия о её казни: «Она, ради которой я жил, больше не существует».

ГЛАВА 4

Она уже спаслась

Принцесса де Ламбаль и цена верности

Она уже спаслась — и всё же вернулась. Мария-Тереза-Луиза Савойская, принцесса де Ламбаль, покинула Францию и находилась в безопасности: побывала в Англии, Брюсселе и Ахене. Мария-Антуанетта в частной переписке, по имеющимся свидетельствам, советовала ей не возвращаться. После неудачного бегства королевской семьи в Варенн де Ламбаль решила вернуться. Перед дорогой она составила завещание. Сохранившиеся данные датируют его октябрём 1791 года — ещё до её возвращения в Париж. Следовательно, речь шла не о беспечной женщине, не понимавшей опасности. Она представляла, сколько может стоить ей верность. Ей приписывают слова, что она должна жить и умереть рядом с королевой.

Возможно, формулировка была позднее отшлифована мемуаристами. Но сам поступок сомнений почти не оставляет. Она уже находилась за пределами опасной зоны. И добровольно вошла обратно. После падения монархии 10 августа 1792 года де Ламбаль оказалась в заключении, а затем была переведена в тюрьму Ла-Форс. 3 сентября, во время Сентябрьских убийств, её привели к импровизированному трибуналу. Согласно наиболее распространённой версии, от неё потребовали присягнуть свободе и равенству и отречься от короля и королевы. Свободу и равенство она признала, но проклинать королевскую семью отказалась. После этого её вывели во двор и убили. Голову отрезали, насадили на пику и понесли по Парижу.

А дальше начинается та часть истории, где необходимо особенно внимательно отделять преступление от легенды. В поздних пересказах утверждается, что после нескольких часов шествия голова потеряла узнаваемый вид, поэтому её якобы занесли к парикмахеру, вымыли, напудрили и уложили волосы, чтобы Мария-Антуанетта сразу узнала подругу. Эта деталь невероятно кинематографична. И именно поэтому вызывает подозрение. Источники о визите к парикмахеру противоречат друг другу, а современные исследователи считают эпизод спорным. Уверенно можно утверждать другое: голову действительно принесли к Тамплю, где находилась королевская семья.

Толпа хотела, чтобы Мария-Антуанетта увидела её, а некоторые участники требовали даже заставить королеву поцеловать губы подруги. Однако внутрь их не пустили; ставни закрыли, и сама Мария-Антуанетта, вероятнее всего, головы не видела. Мне кажется, историческая правда здесь страшнее поздней декорации. Голову не просто несли как трофей. Её превратили в сообщение, адресованное конкретному человеку: мы уничтожили того, кто тебя любил; следующей можешь быть ты. Террор использовал человеческое тело как письмо. Но затем произошло ещё одно превращение. Реальное убийство стало обрастать всё более живописными подробностями: парикмахерская, пудра, причёска, разные формы надругательства.

Как будто самого факта смерти оказалось недостаточно и потомкам потребовалось дополнительно украсить зверство. Так насилие продолжается уже в памяти: жертва перестаёт быть человеком и становится персонажем бесконечно пересказываемой страшной сцены. Верность де Ламбаль можно считать безрассудством. В Париже она почти ничего уже не могла изменить. Возможно, её возвращение не помогло королеве и лишь увеличило число погибших. Но психологически люди не всегда выбирают между безопасностью и опасностью. Иногда они выбирают между двумя представлениями о себе.

Остаться за границей означало бы жить, но перестать быть тем человеком, которым она себя считала: подругой, обязанной не покидать другую подругу в момент катастрофы. Она написала завещание, а затем вернулась. Это не доказывает, что решение было разумным. Это доказывает, что оно было осознанным. Верность не всегда спасает человека, которому она адресована. Иногда она только определяет, кем мы решаем остаться, когда спастись ещё возможно.

ГЛАВА 5

Камиль, Люсиль и язык, который вернулся

Как остроумие помогает террору — до тех пор, пока очередь не доходит до автора

Люсиль Демулен была казнена 13 апреля 1794 года в возрасте 24 лет. Её мужа Камиля казнили восемью днями раньше. Их сыну Орасу ещё не было двух. Обычно историю Камиля Демулена рассказывают как образцовый сюжет о революции, которая пожирает собственных детей. Революция сначала дала молодому человеку славу, возможность жениться на любимой женщине и ощущение, что он способен изменить мир, а затем убила обоих. Камиль был бедным адвокатом, заикался и не особенно преуспевал в профессии. Но 12 июля 1789 года он вскочил на стол возле Пале-Рояля и призвал парижан вооружаться. Парижане вдохновились и через два дня взяли Бастилию.

Иногда множество людей уже готовы действовать и ждут человека, который подберёт для их тревоги правильные слова. Камиль оказался именно таким человеком. Он уже тогда понял то, что теперь знает каждый владелец аккаунта в социальной сети: сложные рассуждения распространяются медленно, а остроумная жестокость мгновенно. В памфлете «Речь фонаря к парижанам» он писал от имени уличного фонаря, на котором толпа вешала предполагаемых врагов народа. Самосуд превращался в литературную игру, убийство в шутку, а жертва в персонажа, к которому читателю уже не обязательно испытывать сочувствие. Камиль одним из первых призвал к революционному насилию и с помощью слова и остроумия разжигал ненависть.

В это время Камиль уже много лет был влюблён в Люсиль Дюплесси. Она происходила из обеспеченной буржуазной семьи, и её отец не хотел отдавать дочь за бедного, неустроенного адвоката с сомнительным будущим. В каком-то смысле именно революция сделала возможной их любовь: за несколько месяцев Камиль превратился из неудачливого юриста в одного из самых известных людей Парижа. Они поженились в декабре 1790 года в Сен-Сюльпис. Свидетелем на свадьбе был давний друг Камиля Демулена Максимилиан Робеспьер. В июле 1792 года у Камиля и Люсиль родился сын Орас-Камиль. Робеспьер был его крёстным отцом. В общем, близость Робеспьера к семье не вызывает сомнений.

Она вела дневник — не официальный политический документ, а пространство, где молодая женщина могла говорить собственным, живым голосом. Там были любовь, скука, музыка, гости, ревность, страх, наблюдения о положении женщин. В ночь штурма Тюильри Люсиль написала: «Мы хотим быть свободными. О Боже, чего это нам стоит!» Бессонная ночь, страх, неизвестность, муж, который может не вернуться, ребёнок, который может остаться без отца. Люсиль была моложе Камиля, не занимала государственной должности и не выступала с трибуны. К концу 1793 года Камиль увидел, во что превращается революционное правосудие. В газете *Le Vieux Cordelier* он начал требовать смягчения террора и освобождения невиновных.

Он предлагал создать «комитет милосердия» и напоминал, что государство, которое повсюду ищет врагов, однажды перестаёт отличать врагов от граждан. Это было мужественно. Но по существу он заговорил о милосердии тогда, когда революционная машина стала приближаться к его друзьям и к нему самому. Пока страдала далёкая категория — аристократы, «предатели», чужие, неправильные, он рассуждал о необходимости суровых мер. Когда в эту категорию попали его друзья, он внезапно открыл универсальные права человека. Камиль понял, что нельзя бесконечно расширять круг людей, лишённых права на сочувствие, и надеяться, что ты сам навсегда останешься снаружи. Но было слишком поздно: язык террора уже работал без своего автора.

В ночь с 30 на 31 марта 1794 года Камиля арестовали вместе с Дантоном и их сторонниками. На процессе возникла неожиданная проблема: обвиняемые защищались слишком убедительно. Дантон говорил так, что публика реагировала, а заранее подготовленный приго-

вор начинал выглядеть неубедительно. Тогда власть решила проблему технически: обвиняемых лишили возможности продолжать защиту и удалили из зала. 5 апреля 1794 года Камиля повезли на гильотину. В его последнем письме Люсиль почти исчезают великие слова. Нет Народа, Республики и Истории. Есть жена, маленький сын, общая жизнь и отчаянное недоумение человека, который лишь в конце понял, насколько драгоценно всё обыкновенное.

Перед лицом смерти иерархия ценностей резко упрощается: кто держал тебя за руку, кто ждёт дома, кого ты больше не увидишь. Люсиль пыталась спасти Камиля и написала обращение к Робеспьеру. Она напоминала ему не только о политических заслугах мужа. Она обращалась к общей памяти: свадьбе, дружбе, ребёнку, семейной близости. По существу её аргумент был таким: если ты способен пожертвовать человеком, которого знаешь и любишь, что удержит тебя от следующей жертвы? Камиля казнили 5 апреля. Люсиль — 13-го. Её обвинили в участии в так называемом тюремном заговоре, будто она готовила освобождение заключённых и убийство членов революционных органов.

Доказательная база была слабой, но в государстве, которое уже решило, кого считать врагом, доказательства становятся не способом установить истину, а оформлением принятого решения. В одной повозке на казнь вместе с Люсиль ехала вдова Жака Эбера, политического врага Камиля. Здесь революция проявила своеобразное чувство юмора. Пока мужа были живы, они яростно спорили и обвиняли друг друга в гибели Республики. После их смерти государство объединило их жён в один заговор. Люсиль было двадцать четыре. Орасу не исполнилось двух лет. Его воспитали бабушка и тётка по материнской линии. Он вырос, получил образование, но не стал продолжать дело отца. Не занялся революционной журналистикой, не пошёл в большую политику.

Позже уехал на Гаити, занялся торговлей, женился, у него появились дети, но он умер довольно молодым от желтой лихорадки.

ГЛАВА 6

Матрас по-прежнему стоил денег

Последние семьдесят шесть дней Марии-Антуанетты

В ночь с 1 на 2 августа 1793 года Марию-Антуанетту забрали из Тампля и перевезли в Консьержери. Дети и сестра Людовика XVI остались в прежней тюрьме. Сам король был уже казнён. В Консьержери бывшая королева провела последние 76 дней своей жизни. Два жандарма круглосуточно находились рядом, не оставляя ей никакой приватности. Это, пожалуй, было самым точным наказанием именно для неё. Мария-Антуанетта всю жизнь пыталась создать вокруг себя хотя бы небольшой частный мир. Даже Трианон был для неё способом уйти от двора, где каждый приём пищи, одевание и разговор происходили перед свидетелями. Ошибочно представлять Консьержери как пространство всеобщего равенства перед страданием.

Революция отменила сословные привилегии, однако тюрьма быстро изобрела собственную социальную иерархию. Беднейшие заключённые попадали в так называемые *Commin* или *Paille* — тесные тёмные помещения без мебели, где спали на соломе. Те, у кого имелись деньги, могли купить минимальный комфорт по тарифу *Pistole*: более просторную камеру, кровать, иногда возможность принимать посетителей, писать или заказать последний портрет. То есть тюрьма выглядела как общество в миниатюре. В Декларации прав все были равны, но матрас по-прежнему стоил денег. Мария-Антуанетта не находилась в самых тяжёлых материальных условиях: у неё была отдельная камера, хоть и под постоянным надзором. В октябре начался суд.

За двадцать часов выступили более сорока свидетелей. Адвокатам дали слишком мало времени на изучение дела. Наряду с обвинениями в государственной измене и связях с Австрией прозвучало и абсолютно ложное обвинение в инцесте с собственным сыном. Политическому процессу было недостаточно представить Марию-Антуанетту плохой королевой. Её необходимо было превратить в существо, которое нельзя пожалеть. Поэтому атаковали не только её политическую роль, но и её женское тело, материнство, сексуальность. Когда власть готовит человека к уничтожению, она часто сначала лишает его права оставаться сложным. Вместо живого человека создаётся удобное моральное чудовище, смерть которого уже не требует сомнений.

Суд превратился в публичный спектакль падения монархии. Зрители пришли посмотреть, как королевское тело перестало быть королевским: постаревшее, истощённое, поседевшее, больше не защищённое ни церемониалом, ни дистанцией. После Реставрации тот же процесс пошёл в обратную сторону. Камеру Марии-Антуанетты превратили в искупительную часовню, а вокруг её заключения возник культ реликвий. Некоторые предметы могли быть связаны с королевой, происхождение других остаётся сомнительным. Консьержери стала не только местом памяти, но и местом борьбы за то, кем её следует помнить: преступной королевой или христианской мученицей.

ГЛАВА 7

Семнадцать с половиной

Зал имён и люди, которых катастрофа превращает в строку

В Консьержери есть зал имён. Там собраны сведения о более чем четырёх тысячах человек, прошедших через Революционный трибунал. Мы знаем имена Марии-Антуанетты, Дантона, Камиля Демулена, Шарлотты Корде и Робеспьера. Но массовое насилие никогда не состоит из знаменитостей. Знаменитости лишь удобный интерфейс катастрофы. Через их лица мы пытаемся представить тысячи людей, о которых не знаем практически ничего. На табличке в коридоре камер приведены воспоминания Оноре-Жана Риуффа, заключённого Консьержери. Он описывал полное отсутствие света, тяжёлый воздух, грязь и тесноту: в небольшом пространстве могли находиться семь человек, а политический заключённый оказывался рядом с ворами и осуждённым убийцей.

Его мемуары были опубликованы вскоре после Террора и стали одним из ранних свидетельств о революционных тюрьмах. Риуффу повезло — он выжил и написал. Большинство людей оставили после себя запись в реестре, обвинительный акт, письмо родственнику или же только имя и тире между двумя датами. Список имён одновременно спасает человека от полного забвения и превращает его в строку среди тысяч других. Мы читаем: имя; возраст; профессия; приговор. Но в этой записи нет того, как человек смеялся, кого любил, чего стыдился, кому задолжал деньги, какую песню напевал утром и верил ли, что вернётся домой. Современный мир делает то же самое с любой большой катастрофой.

Мы превращаем людей в статистику, потому что иначе масштаб трудно выдержать психологически: отдельное лицо ещё можно представить, тысячи погибших становятся графиком. Возможно, именно поэтому безымянные узники Консьержери производят более сильное впечатление, чем знаменитые. На одной из табличек в Консьержери приведена песня, написанная заключённым накануне суда. От автора осталось только обозначение: гражданин М... И возраст: семнадцать с половиной лет. Не восемнадцать. Запись сохранила даже эту половину года, ту самую половину, которая в обычной жизни кажется подростку очень важной. В переводе его строки звучат примерно так:

«Нет, ничто не сравнится

с тёмной Консьержери.

Солнце боится войти

сквозь решётку из прутьев.

Но завтра меня будут судить,

они решат мою судьбу,

и трибунал откроет

либо дверь, либо скользящее лезвие».

Мы не знаем, что случилось с гражданином М. На музейной табличке не указано, оправдали его или казнили. Но сама песня говорит о нём удивительно много. Подросток берёт ситуацию абсолютного бессилия и превращает её в ритм. Суд может решить, будет он жить или умрёт. Зато он ещё способен решить, какой рифмой назвать свой страх. В семнадцать с поло-

виной лет будущее кажется бесконечно. Человек думает о любви, путешествиях, взрослении, работе, славе, скуке обо всём, кроме собственной смерти.

Но революция, провозглашавшая рождение нового мира, свела будущее этого мальчика к двум вариантам: дверь или лезвие. Как и война.

ГЛАВА 8

Смерть как рабочий процесс

Фукье-Тенвиль и бюрократия государственного террора

В Консьержери есть табличка об Антуане Фукье-Тенвиле. На ней этот садист выглядит почти образцовым государственным служащим. Жил рядом с местом работы. Мало спал. Утром спускался в кабинет. Готовил дела. Контролировал помощников, секретарей и переписчиков. Следил, чтобы заседания начинались вовремя и приговоры исполнялись. Только вот его рабочим процессом была смерть. Фукье-Тенвиль был общественным обвинителем Революционного трибунала и главным организатором проходивших в Консьержери процессов. Через него прошли дела Марии-Антуанетты, жирондистов, эбертистов, Дантона, Камиля Демулена и многих других. Он не обязательно решал, кого политическая власть назначит врагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.